

8.

На смерть атамана Безродного. ⁴¹

По-надъ сагою ⁴²
 Диѣпрвою
 Молодый козакъ обѣдъ обѣдае;
 Не думаетъ, не гадаетъ,
 Що на ёго молодого,
 Ще й на чуру ⁴³ малого,
 Бѣда настигаетъ.
 То не вербы луговойъ зашумѣли, ⁴⁴
 Якъ безбожны ушкалы налетѣли; ⁴⁵
 Хведора Безродного,
 Отамана курѣнного,
 Постреляли, порубали,
 Тѣльки чуры не пѣймали.
 То малый чура до козака прибуваетъ,

41. Во время гетмана Богданка, Безродный служилъ войсковымъ писаремъ (1575-77). Онъ зовется и Федоромъ, и Фомою; но эта разница въ личномъ имени не большая важность. Подобныя разнирѣчія не рѣдки: самъ гетманъ Богданко встрѣчается въ разныхъ писаніяхъ подъ именемъ Федора и Якова; гетманъ Скалозубъ въ исторіи названъ Демьяномъ, а въ думѣ 10-й Семеномъ.

42. *Сага* — заливъ.

43. *Чура* или *джура* — оруженосецъ. При козацкихъ старшинахъ бывали безотлучные, вѣрные до послѣдняго конца оруженосцы, изъ молодыхъ козаковъ.

44. *Верба*, съ ея поникшими вѣтвями и листьями, составляетъ для украинской поэзіи символъ *пегали* и *горя*; шумъ вербы знаменуетъ разлуку, смерть.

45. *Ушкалы* — разбойники.

Раны ёму глыбокій промывае.

То козакъ ёму промовляє :

„Чуро мѡй, чуро,

Вѣрный слуго !

Пѡйди ты степѡмъ

По - надъ Днѣпромъ ;

Послухай ты, чуро : чи то гуси кричать ,

Чи лебедѣ ячать ,

Чи ушкалы гудуть ,

Чи може козаки Днѣпромъ идуть ?

Коли гуси кричать, або лебедѣ ячать—то сжени ;

Коли ушкалы гудуть — мене схорони ;

Коли - жъ козаки идуть , то объяви ,

Нехай воны човны ⁴⁶ до берега привертають ,

Мене Хведора Безрѡдного навѣщають !“

То чура малый по берегу пробѣгавъ ,

Козакѡвъ забачавъ ,

Шапкою махавъ , словами промовлявъ :

„Панове - молодці ! добре вы дбайте ,

Човны привертайте ,

До отамана курѣнного поспѣшайте !“

То козаки тее зачували ,

До берега привертали ,

Отамана навѣщали.

Тогдѣ козакъ чуру выхваляе ,

Словами промовляє ;

„Чуро мѡй чуро ,

Вѣрный слуго !

46. Човенъ — челнъ.

Коли ты будешъ вѣрно пробувати,
Будуть тебе козаки поважати!“

То тее промовлявъ,

Опрощенье зо всѣми бравъ,

Милосердному Богу душу отдавъ.

Тогдѣ козаки шаблями суходѣль ⁴⁷ копали,

Шапками, приполами персть выймали,

Хведора Безродного ховали,

Въ семипяднїи пищали гремали,

У сурѣмки жалѣбно выхваляли:

„То ще добре козацька голова знала,

Що безъ вѣйска козацького не ўмїрала!“

9.

О Черноморскомъ походѣ гетмана Серяги. “

Ой по Чорному да по глыбокому моречку,

По тихому да по далекому Дунаечку,

47. *Суходѣль* — сухая земля.

48. Замѣчательно это краткое, но поэтическое изображеніе похоронъ и поминки куреннаго атамана. Для козака тяжела казалась смерть одинокая, безъ примотра и безъ грусти отъ своихъ.

„Ой не дай же, Боже, на чужинѣ умерти,

Тамъ нѣкому доглянути козацькой смерти.

Тѣльки воронъ — воронъ прилетитъ до тебе,

Да ѣ сяде на тебе, да поклое тебе!“

49. Черное море, знакомое Южной Руси еще со временъ Аскольда и Олега, — было поприщемъ для отваги козацкой. Пускаясь на него, въ своихъ *дубахъ* и *сайкахъ*, Запорожцы перѣдко осаждали берега Крыма, давали знать себя и Варѣ, и Синопу съ Трапезон-

Злая буря выхожае, выступае,
Козакѡвъ до земли чужой проважае.
А изъ низу буйный вѣтеръ вѣе, повѣвае;
А по Черному моречку супротивная хвиля вста-
вае,
Да по Черному морю вовкомъ - сѣроманцемъ лае и
гукае. —

Зобралися козаки товариши
 Весть хоробрий Запорозці
 Про тую бурю мирковати, ⁵⁰
 Тихой погодоньки по-надъ синімъ моремъ - дуна-
 емъ піджидати.

Одну годину пѣждали,
Другую пѣждали;
А злая буря все бѣльшъ выступала,
Да ѣ нѣ трошки ⁵¹ по Черному морю глыбокому,
По Дунаечку далекому да широкому,
Тая буря не унѣмала;
А все злѣйшъ громомъ по небу тарахтала,
Да блискавкою ⁵² мѣжъ хмарами блискала. —

томъ. Морскими походами особенно прославился гетманъ Богданко (около 1575 г.). Преемникъ его *Иванъ Серняга* или *Подкова* (такъ прозванный потому, что онъ могъ руками переломить двѣ подковы вмѣстѣ), во время своего гетманства въ 1577 году, также воевалъ по Черному морю.

50. *Мирковати* — совѣщаться.

51. *Трòхи, трòшки* — мало, немножко.

52. *Бліскавка* — молнія.

От-тогда гетьманъ Ивасенько Серпяга
 Козакѣвъ товаришѣвъ до себе подзываетъ,
 До козакѣвъ товаришѣвъ такъ и такъ промовляетъ:
 „Ой вы, панове, рѣднѣй мой братця,
 Хоробрый мой товариши козаки - Запорозцѣ!

Слухомъ нѣколи не слыхано,
 Да й видомъ нѣколи не видано,
 Щобъ такая буря злая на козакѣвъ такъ мѣцно
 выступала й уставала,
 Щобъ такимъ громомъ - блискавкою тарахтала й
 блискала,
 Да щобъ вы, панове козаки товариши, ось - такъ
 довго - довгенько стояли,
 Тихой погодоньки бѣля ⁵³ моря поджидали!“

А козаки тее зачували,
 Да й усѣ замовчали. —

„Колижъ мы той бусурманщины лякалися? ⁵⁴
 Колижъ таки мы одъ ей де-нѣ-будъ ховалися?
 А теперечка, не то щобъ бусурманщины,
 А то не то бурѣ излякалися;
 Тихой погодоньки поджидаючи,
 Да на злую й лихую бурю жалуючи,
 Изовсѣмъ надорвалися!“
 А козаки тее зачували,
 Да й усѣ мѣвчки замовчали;

53. Бѣля — подлѣ, возлѣ.

54. Лякъ — испугъ, лякати — пугать.

Барзо, барзо раховали,⁵⁵ нїчого не промовляли;
 Одинь одного споглядали; въ походъ выступали.
 От-сѣжъ идуть воны день не день,
 Не два, не три, й не чотырї;
 А злая буря лихая да по Чорному моречку,
 По далекому Дунаечку,
 Барзо унімала;
 Да й супротивная хвиля у свой домовины⁵⁶, у ков-
 банюги⁵⁷ бѣжала,
 Да й тамъ пропадала.
 А козаки Боговї молитвы посылали,
 По три поклоны покладали, одпочинье мали.
 А пѣся все козаки въ походъ выступали;
 Изъ своймъ хоробрымъ гетьманомъ,
 Серпягою Иваномъ,
 Тяжко нехриста розбивали.
 Думали й гадали;
 Да й пѣдъ городомъ Керманомъ
 Изъ бусурманськимъ салтаномъ
 Примирье мали:
 У ёго худобу⁵⁸ всю однімали,
 Усѣхъ Татарь-бурякѣвъ розбивали й плѣндровали.
 Тихою погодонькой, зъ гарною добыченькой,
 до-дому привертали.

55. *Раховати* — разсчитывать.

56. *Домовина* — гробъ.

57. *Ковбаня*, увелич. *ковбанюга* — подводная яма.

58. *Худѣба* — пожитки, имущество.

10.

О Самойлѣ Кушкѣ.⁵⁹

I. ОТПЛЫТІЕ ГАЛЕРЫ ИЗЪ ТРАПЕЗОНТА ВЪ КРЫМЪ.

Ой изъ города изъ Трапезонта выступала галера,
Трѣма цвѣтами процвѣтана, малѣвана.

Ой первымъ цвѣтомъ процвѣтана —

Златосинѣи киндяками побивана;

А другимъ цвѣтомъ процвѣтана —

Гарматами арештована;

Третѣмъ цвѣтомъ процвѣтана —

Турецкою бѣлою габою⁶⁰ покровена.

59. Только по письму храбраго Сѣрка къ крымскому хану (23 Сент. 1675 г.) было извѣстно, что кошевой атаманъ или гетманъ Самойло Кушка воевалъ по Черному морю еще прежде гетмана Богданка (слѣдственно, *прежде 1576 года*).— Вотъ цѣлая поэма объ этомъ вождѣ запорожскомъ, который по ея сказанью, томился 54 года въ плѣну турецкомъ, на галерѣ. Трапезонтскій паша потѣхалъ на той галерѣ свататься въ г. Козловъ. Тамъ на радости музульмане напились до-пьяна. Старый Запорожецъ воспользовался этимъ; истребилъ музульманъ; и галера очутилась у острова Гендры, гдѣ находился тогда гетманъ Скалозубъ. Это было около 1588 года; слѣдственно Самойло Кушка воевалъ по морю и попался въ плѣнъ около 1534 года. Въ числѣ его товарищей главную роль играетъ Ляхъ Бутурлакъ, сотникъ Переяславскій, мастерски представленный въ думѣ; да и вся она исполнена описаніями истинно художественными. Для удобнѣйшаго ея уразумѣнія, я раздѣлилъ ее на главы.— Записалъ ее, отъ слѣпца-бандуриста въ Полтавской губерніи, г. Лукашевичъ, издавшій *Малороссійскія и Червонорусскія думы и пѣсни*. СПБ. 1836.

60. *Гармата* — пушка. *Габа* — бѣлое турецкое сукно.

То въ тѣй галерѣ Алканъ - Паша,
 Трапезонское князя гуляе;
 Избранного люду собѣ мае:
 Сѣмсотъ Туркѣвъ, янычаръ чотырѣста;
 Да бѣдного невольника пѣвчвартаста, ⁶¹
 Безъ старшины войсковой.
 Первый старшій мѣжъ ними пробувае
 Кушка Самѣйло, гетьманъ запорозскій;
 Другій, Марко Рудый,
 Судья войсковый;
 Третій Мусѣй Грачъ,
 Войсковый трубачъ;
 Четвертый Ляхъ - Бутурлакъ,
 Ключникъ галерскій,
 Сотникъ Переяславскій, ⁶²
 Недовѣрокъ христіанскій,—
 Що бувъ тридцять лѣтъ у неволѣ,
 Двадцять чотырѣ якъ ставъ по волѣ;
 Потурчився, побусурманився,
 Для паньства великого,
 Для лакомства несчастного! —
 Въ тѣй галерѣ одъ пристанѣ далеко одпускали,
 Чорнымъ моремъ далеко гуляли;

61. *Пѣвчварта*—значить $3\frac{1}{2}$; а *пѣвчвартаста* 350, также, какъ *пѣвтора* (т. е. пол-втора) значить одинъ съ половиною.

62. По сказанью Конискаго, Малороссія раздѣлена на полки и сотни еще около 1516 года, въ гетманство князя Евстафія Рожинскаго.

Противъ Кефы города приставали,
Тамъ собѣ великій да довгій опочинокъ мали.

II. Сонъ Алкана - паша.

То представиться Алкану - Пашатѣ,
Трапезонському княжатѣ, молодому панятѣ,
Сонъ дивенъ, барзо дивенъ, на - прочудъ.⁶³
То Алканъ - Паша,
Трапезонское князя,
На Туркѡвъ - янычаръ, на бѣдныхъ невольникѡвъ
покликае:

„ Турки — каже — Турки - янычаре,
И вы, бѣдный невольники!
Который бы могъ Турчинъ - янычаръ, сей сонъ
одгадати,
Могъ бы ёму три грады турецкій даровати;
А который бы могъ бѣдный невольникъ одгадати,
Могъ бы ёму листы вызволёны писати,
Щобъ не могъ нѣхто нѣгде зачѣпати!“
Сее Турки зачували, нѣчого не сказали;
Бѣдны невольники, хочъ добре знали,
Собѣ промовчали.

Тѡльки обѡзветься мѣжъ Туркѡвъ Ляхъ-Бутурлакъ,
Клюшникъ галерскій,
Сотникъ Переяславскій,
Недовѣрокъ христіянскій:
„ Якъ-же, каже, Алкане-Пашо, твоѣ сонъ одгадати,
Що ты не можешъ намъ повѣдати!“ —

63. На - прогудъ или на - прогудо — на - диво.

„Такій менѣ, небожята, ⁶⁴ сонъ приснився,
Бодай ніколи не явився!

Видиться: моя галера цвѣткована, малёвана,
Стала вся ободрана, на пожарѣ спускана;

Видиться: мой Турки-янычары

Стали всѣ въ пень порубаны;

А видиться: мой бѣдный невольники,

Который були у неволѣ,

То всѣ стали по волѣ;

Видиться: мене гетьманъ Кушка

На три часті ростявъ,

Въ Чорнее море пометавъ....“

То скоро тее Ляхъ-Бутурлакъ зачувавъ,

Къ ёму словами промовлявъ:

„Алкане-Пашо, трапезонскій княжату,

Молодой паняту!

Сей тобѣ сонъ не буде ни мало зачѣпати;

Скажи менѣ получче бѣдного невольника догля-
дати,

Зъ ряду до ряду сажати,

По два, по три старый кайданы и новый испра-
вляти,

На руки, на ноги надѣвати;

Червоной таволги по два дубцѣй ⁶⁵ брати,

64. *Небожята* (въ единств. *небожа* или *небожѣ*) — голуб-
чки. Впрочемъ *небожѣ*, въ жепс. *небога*, значать племянникъ,
племянница.

65. *Дубѣць* — пруть.

По шіяхъ затинати,
Кровъ христіянськую на землю проливати!“

Скоро то сее зачували,
Одъ пристані галеру далеко одпускали:
До города до Козлова,
До дѣвки Санджакѡвны на залёты ⁶⁶ поспѣшали.

III. Пиръ въ городъ Козловъ.

То до города Козлова прибували.
Дѣвка Санджакѡвна на встрѣчу вихожае,
Алкана - Пашу въ городъ Козловъ зо всѣмъ вѡйс-
комъ затыгае.

Алкана - Пашу за бѣлу руку брала,
У свѣтлицъ - камяницъ зазывала,
За бѣлу скамью сажала,
Дорогими напитками наповала;
А вѡйсько середъ рынку сажала.

То Алканъ - Паша,
Трапезонское князя,
Не барзо дорогій напитки ѣживае,
Якъ до галеры двоухъ Турчинѡвъ на-пѡделухи по-
сылае:
Щобъ не могъ Ляхъ-Бутурлакъ Кушки Самойла
одмыкати,

Упѡручъ себе сажати!
То скоро ся тый два Турчины до галеры прибували.
То Кушка Самойло, гетьманъ запорозскій

^{66.} Залёты — сватовство. Веспѣлье — свадьба.

Словами промовляє :

„Ой Ляше - Бутурлаче, брате старесенькій!
Коли-сь и ты бувъ въ такій неволѣ, якъ мы тепера:

Добро намъ учини,

Хочъ насъ старшину одомкни;

Хай бы ⁶⁷ и мы у городъ побували,

Паньське весѣлье добре знали.“

Каже Ляхъ - Бутурлакъ :

„Ой Кушко Самойлу, гетьмане запорозьській,

Батьку козацькій!

Добро ты ўчини:

Вѣру христіянську пѣдъ нозѣ пѣдтопчи,

Хрестъ на собѣ поламини!

Аще будешъ вѣру христіянську пѣдъ нозѣ топтати,

Будешъ у нашего пана молодого за рѣдного брата
пробувати!“

То скоро Кушка Самойло зачувавъ,

Словами промовлявъ :

„Ой Ляше - Бутурлаче, сотнику Переяславській,

Недовѣрку христіянській!

Бодай же ты того не дождавъ,

Щобъ я вѣру христіянську пѣдъ нозѣ топтавъ!

Хочъ буду до смерти бѣду да неволю пріймати,

А буду въ землѣ козацькій голову христіянську
покладати!

Ваша вѣра погана,

Земля проклята!“

67. *Нехай*, сокращенно *хай* (по - червоноруски *най*)—пусть.

Скоро Ляхъ - Бутурлакъ тее зачуває ,
Кушку Самойла у щоку затинае.

„Ой! — каже — Кушко Самойлу, гетьмане запороз-
ській!

Будешъ ты мене въ вѣрѣ христіянськôй укоряти,
Буду тебе паче всѣхъ невольникôвъ доглядати,
Старый и новый кайданы направляти,
Ланцюгами за-пóперекъ втрое буду тебе брати!“ —

То тѣ два Турчина тее зачували,
До Алкана - Паши прибували:

„Алкане - Пашо, Трапезонськее князя!

Беспечно гуляй,

Доброго и вѣрного ключника маешъ:

Кушку Самойла въ щоку затинае,

Въ турецьку вѣру ввертае!“

То Алканъ - Паша,

Трапезонськее князя,

Великую радость мало:

По-поламъ дорогій напитокки роздѣляло,

Половину на галеру одсылало,

Половину зъ дѣвкою Санджакôвною уживало.

Ставъ Ляхъ-Бутурлакъ дорогій напитокки пити-пôд-
пивати;

Стали умыслы козацьку голову ключника розби-
вати.

„Господи! есть у мене що испити и исходити,
Тôльки нѣ-сѣ-кѣмъ обѣ вѣрѣ христіянськôй роз-
говорити....“

До Кушки Самойла прибуває,
 Поручь себе сажає,
 Дорогого напитка метаетъ,
 По два, по три кубки въ руки наливає.

То Самойло Кушка по два, по три кубки въ руки
 бравъ:
 То въ рукава, то въ пазуху, скрѣзь хусту третю
 до-долу пускавъ.

Ляхъ Бутурлакъ по единому вишивавъ:
 То такъ напився,
 Що зъ нѣгъ звалився.

IV. ПРИГОТОВЛЕНІЕ ГАЛЕРЫ КЪ ПОБѢГУ.

То Кушка Самойло да угадавъ:
 Ляха - Бутурлака до лѣжка вмѣсто дитяти спати
 клавъ;
 Самъ восѣмдесять-чотырѣ ключи съ - пѣдъ головъ
 вѣймавъ,
 На пяти чоловѣкъ по ключу дававъ:
 „Козаки - панове! добре майте,
 Одинъ другого одмыкайте,
 Кайданы изъ нѣгъ, изъ рукъ не кидайте,
 Полуночной години дожидайте!“

Тогдѣ козаки одинъ другого одмыкали;
 Кайданы изъ рукъ, изъ нѣгъ не кидали,
 Полуночной години дожидали.
 А Кушка Самойло чого-сь догадавъ,

За бѣднаго невольника ланцюгами втрое себе принявъ ;

Полуночной години дожидавъ.

Стала полуночная година наступати ,

Ставъ Алканъ-Паша зъ вѣйскомъ до галеры прибавати.

То до галеры прибававъ ,

Словами промовлявъ :

„Вы , Турки - янычаре , по-маленьку ячѣте ,

Моего вѣрнаго ключника не збудѣте!

Сами же добре по-мѣжъ рядами проходите ,

Всякого человѣка осмотряйте!

Бо тепера вѣнъ подгулявъ ,

Щобы кому польги не давъ.....“

То Турки - янычаре свѣчй у руки брали ,

По - мѣжъ рядѣвъ проходили ,

Всякого чловѣка осмотряли....

Богъ помогъ !... за замѣкъ руками не принимали!—

„Алкане - Пашо , безопасно почивай!

Доброго и вѣрнаго ключника маешь :

Вѣнъ бѣднаго невольника зъ ряду до ряду посажавъ ,

По три , по два старыи кайданы посправлявъ ;

А Кушку Самойла ланцюгами утрое принявъ.“

Тогдѣ Турки-янычаре у галеру входили ,

Безопасно спати полагали ;

А который хмельны бывали , на сонъ знемагали ,

Коло пристани Козловской спати полагали.—

V. ОСВОБОЖДЕНІЕ ГАЛЕРЫ ОТЪ ТУРКОВЪ.

Тогдѣ Кушка Самойло полуночноѣ години до-
ждавъ :

Самъ мѣжъ козакѡвъ уставъ ;
Кайданы изъ рукъ , изъ нѡгъ у Чорнее море по-
ронявъ ;

У галеру вхожае , козакѡвъ пробужае ,
Шаблѣ булатный на выбѡръ выбѣрае ,
До козакѡвъ промовляє :

„ Вы, панове - молодцѣй , кайданами не стучѣте ,
Ясины не ўчинѣте ,

Нѣ которого Турчина въ галерѣ не збудѣте !....“

То козаки добре зачували :

Сами зъ себе кайданы скидали ,

У Чорнее море кидали ,

Нѣ одного Турчина не збудили.

Тогдѣ Кушка Самойло до козакѡвъ промовляє :

„ Вы, козаки - молодцѣй ! добре , братіе , майте !

Одъ города Козлова забѣгайте ,

Туркѡвъ - янычарѡвъ въ пень рубайте ,

Которыхъ живцемъ у Чорнее море бросайте !“

Тогдѣ козаки одъ города Козлова забѣгали ,

Туркѡвъ - янычаръ въ пень рубали ,

Которыхъ живыхъ въ Чорнее море бросали.

А Кушка Самойло Алкана - Пашу изъ лѡжка взявъ ,

На три частѣй ростявъ ,

У Чорнее море побросавъ ;

До козакѡвъ промовлявъ :

„Панове - молодці! добре дбайте,
 Всѣхъ у Чорнее море бросайте,
 Тільки Ляха - Бутурлака не рубайте,
 Между вѣйськомъ для порядку, за ярызу ⁶⁸ вѣйсь-
 кового, заставляйте!“

Тогдѣ козаки добре мали:
 Всѣхъ Туркѣвъ у Чорнее море пометали;
 Тільки Ляха - Бутурлака не зрубали,
 Между вѣйськомъ, для порядку, за ярызу вѣйсь-
 кового, заставляли.

VI. ПЛАВАНІЕ ГАЛЕРЫ КЪ ДНѢПРОВСКОМУ ЛИМАНУ. ПЛАЧЬ САНДЖА-
 КОВНЫ. ПОЗДРАВЛЕНІЕ АЛКАНА-ПАШИ. ⁶⁹

Тогдѣ галеру одъ пристані одпускали,
 Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли. —
 Да ще у недѣлю барзо рано - пораненьку,
 Не сива зозуля заковала,
 Якъ дѣвка Санджакѣвна коло пристані похожала,
 Да бѣлы руки ламала, словами промовляла:
 „Алкане - Пашо, Трапезонськее княжату,
 На що ты на мене такее великое пересердіе маешъ,

68. *Ярыза*, или правильнѣе *ярыга* — сыщикъ.

69. Въ этомъ плачѣ невѣсты и поздравленіи жєнщєхъ высказы-
 вается юморъ украинскій. (Неизбѣжнымъ мѣстомъ поздравленія
 названъ *Царєградъ*.... Не называлась ли именемъ *Царе-града*,
 или иного *града*, какая нибудь турецкая крѣпость? Но и то быть
 можетъ, что позднѣйшіє бандуристы перемѣшали здѣсь имена го-
 родовъ, и что сватовство Алкана - Паши происходило не въ
 Козловѣ, а въ Кефѣ, гдѣ имѣлъ свое мѣстопрєбываніє губерна-
 торъ турецкій).

Що одъ мене сёгодня барзо рано выѣзжаешъ ?

Когда бы була одъ отця и матерѣ

Соромѣ и наруги приняла ,

Зъ тобою хочъ едину нѣчь переночовала !⁶⁸

Скоро ся тое промовляли ,

Галеру одъ пристани одпускали ,

Сами Чернымъ моремъ далеко гуляли.

А ще у недѣлоньку ,

У полуденну годиноньку ,

Ляхъ - Бутурлакъ одъ сна пробуждае ,

По галерѣ поглядае , що ни единого Турчина у
галерѣ немає.

Тогдѣ Ляхъ - Бутурлакъ изъ лѣжка вставае ,

До Кушки Самойла прибувае , у ноги впадае :

„ Ой Кушко Самойлу , гетьмане запорозьскій ,

Батьку козацькій !

Не будь же ты на мене ,

Якъ я бувъ на останцѣ вѣка моего на тебе !

Богъ тобѣ допомогъ непріятеля побѣдити ,

Да не умѣтимешъ у землю христіянську входить !

Добре ты учини :

Половину козакѣвъ у оковы до опачинь⁷⁰ посади ,

А половину у турецькее дорогее платье наряди ;

Бо ще будемо отъ города Козлова до города Царе-
града⁶⁹ гуляти ,

Будуть изъ города Цареграда дванадцять галеръ
выбѣгати ,

70. Опачина — большое весло.

Будуть Алкана - Пашу зъ дѣвкою Санджакѡвною

По залѣтахъ поздравляти:

То якъ будешъ отвѣтъ отдавати?....“

Якъ Ляхъ - Бутурлакъ научивъ,

Такъ Кушка Самойло гетьманъ запорозьскій учи-
нивъ:

Половину козакѡвъ до опачинъ у оковы посадивъ,

А половину у турецькее дорогее платьє нарядивъ.

Стали одъ города Козлова до города Цареграда
гуляти,

Стали изъ Цареграда дванадцять галеръ выбѣгати,

И галеру изъ гарматы торкати, —

Стали Алкана-Пашу зъ дѣвкою Санджакѡвною

По залѣтахъ поздравляти.

То Ляхъ - Бутурлакъ чого-сь догадавъ:

Самъ на чердакъ выступавъ,

Турецькимъ бѣленькимъ завиваломъ махавъ;

Разъ то мѡвить по - грецьки,

У другє по - турецьки;

Каже: „вы Турки - янычаре, по-маленьку, братія,
ячѣте,

Одъ галеры одвернѣте;

Бо тепєра вѡнъ пѡдгулявъ, на упокоѣ почиває,

На похмѣлье знемагає,

До васъ не встане, головы не зведе.

Казавъ: якъ буду назадъ гуляти,

То не буду вашой милостѣи и по вѣкъ забувати!„

Тогдѣ Турки - янычаре одъ галеры одвертали,

До города Цареграда убѣгали:

Изъ дванадцяти штукъ гарматъ гремали, —
Яссу воздавали. —

Тогдѣ козаки собѣ добре дбали:

Сѣмъ штукъ гарматъ собѣ арештовали,
Яссу воздавали,

На Лиманъ - рѣку испадали,
Къ Днѣпру - Славутѣ ⁷¹ низенько укланяли:
„Хвалимъ Тя, Господи, и благодаримъ!
Були пятьдесять чотырѣ годы у неволѣ,
А тепера чи не дасть намъ Богъ хоть часъ по волѣ!

VII. Прибытіе галеры къ козакамъ, къ острову Тендрѣ. ⁷²

А у Тендровѣ островѣ Семень Скалозубъ
Зъ войськомъ на заставѣ стоявъ,
Да на тую галеру поглядавъ,
До козакѣвъ словами промовлявъ:
„Козаки, панове-молодцѣ! що сія галера — чи блу-
Чи свѣтомъ нудить, дить,
Чи много люду царьского має,
Чи за великою дѣбачкою ганяе?
То вы добре майте:
По двѣ штукъ гарматъ набѣрайте,
Ту ю галеру изъ грозной гарматы привѣтайте
Гостинця ѣй дайте!“

71. Днѣпръ козаки величали именемъ *Славуты*. Это велось издревле, какъ видно изъ Пѣсни о полку Игоревѣ: „О Днѣпре Словутю!“

72. Островъ *Тендровъ* или *Тендра* не вдалекѣ отъ Книбурской Косы, противъ устья Днѣпровскаго.

Тогдѣ козаки промовляли :

„Семене Скалозубе , гетьмане запорозьскій ,

Батьку козацькій !

Де-сь ты самъ боишься

И насъ козакѣвъ страшишься :

Есть сія галера не блудить ,

Ни свѣтомъ нудить ,

Ни много люду царьского мае ,

Ни за великою добычью ганяе :

Се , може , е давній , бѣднѣй невольникъ изъ не-
воли утѣкае....“

„Вы вѣры не доймайте ,

Хочъ по двѣ гарматы набѣрайте :

Тую галеру изъ грозной гарматы привѣтайте ,

Гостинця ей дайте :

Якъ Турки - янычаре , то у пень рубайте ;

А якъ бѣднѣй невольникъ , то помочи дайте !“

Тогдѣ козаки , якъ дѣти , не гараздъ починали ,

По двѣ штуки гарматъ набѣрали :

Тую галеру изъ грозной гарматы привѣтали ,

Три дѣски у суднѣ выбивали ,

Воды Днѣпровської напускали....

Тогдѣ Кушка Самойло , гетьманъ запорозьскій

Чого - сь отгадавъ ,

Самъ на чердакъ выступавъ ;

Червоный , хрещатый , давній короґвы ⁷³ изъ ки-
шені выи́мавъ ,

73. *Короґва* — хоругвь , знамя . У козаковъ (по крайней мѣрѣ ,

Роспустивъ,
 До воды похиливъ;
 Самъ низенько уклонивъ:
 „Козаки, панове - молодці! сія галера не блудить,
 Ни свѣтомъ нудить,
 Ни много люду царського мае,
 Ни за великою дѣббычю ганяе:
 Се есть давній, бѣдный невольникъ
 Кушка Самойло изъ неволи утѣкае;
 Були пятьдесятъ чотырі́ годы у неволѣ,
 Теперъ чи не дасть Богъ хоть на часъ по волѣ!“

VIII. Раздѣлъ добычи. Поздравленіе Самойла Кушки.

Поминка по немъ.

Тогдѣ козаки у каюки скакали;
 Тую галеру за малёваны облавки брали,
 Да на пристань стягали;
 Одъ дуба до дуба
 На Семена Скалозуба
 Паёвали;
 Тую галеру да на пристань стягали.
 Тогдѣ: златосиній киндяки на козаки,
 Златоглавы ⁷⁴ — на отаманы,

въ ихъ войны съ Поляками) были знамена *герсоныя*, *хрещатыя* (т. е. красныя, съ изображеніемъ креста). Старый вожь запорожскій, въ полувѣковомъ плѣну своемъ, сберегъ козацкое знамя; и распустилъ его въ виду козаковъ, невдалекѣ Днѣпровскаго Лимана.

74. Златоглавъ и среброглавъ — глазеть.

Турецкую бѣлую габу—на козаки на бѣляки;
А галеру на пожаръ спускали.

А срѣбро, злато — на три частѣ паёвали:

Первую часть брали, на церкви накладали,

На Святого Межигорскаго Спаса,

На Трехтемировскій монастырь,

На святую Сѣчовую Покровъ давали, —⁷⁵

Которы давнѣмъ козацкимъ скарбомъ будовали,

Щобъ за ѣхъ, вставаючи и лягаючи,

Милосерднаго Бога благали.

А другую часть по-мѣжъ собою паёвали;

А третью часть брали,

Очертами сѣдали,

Пили да гуляли,

Изъ семипядныхъ пищалей гремали,

Кушку Самойла по волѣ поздравляли:

„Здоровъ, кажутъ, здоровъ, Кушко Самойлу,

Гетьмане запорозскій!

Не загинувъ еси у неволѣ,

Не загинешъ и зъ нами козаками по волѣ!“

75. Запорожцы до послѣдняго времени были очень набожны и щедры на церковное подаяніе. Нерѣдко и свой вѣкъ доживали они въ монастыряхъ. Особенно уважались у нихъ два надднѣпровскіе монастыря: *Успенскій Терехтемировскій*, отданный имъ Стефаномъ Баторіемъ, и *Спасскій Межигорскій*, къ которому съ 17-го вѣка Запорожцы приписались какъ прихожане; и не иначе принимали священниковъ, въ свою Сѣчевую Покровскую церковь, какъ изъ Межигорцевъ. Оба монастыря существовали до исхода прошлаго столѣтія.

Правда, панове, полягла
 Кушки Самойла голова,
 Въ Кіевѣ - Каневѣ монастирѣ....⁷⁶
 Слава не ўмре, не поляже!

Буде слава славна:
 По - мѣжъ козаками,
 По - мѣжъ друзьями,
 По - мѣжъ рыцарями,
 По - мѣжъ добрыми молодцями.
 Утверди, Боже! люду царського,
 Народу христіянського,
 Війська Запорозького,
 Доньського,
 Съ сією чернію Днѣпровною,
 Низовною,
 На многія лѣта,
 До конца вѣка!

11.

Черноморская буря.

На Чорному морѣ, на бѣлому камнѣ
 Ясненькій соколъ жалѣбно квилить, проквиляє,
 Смутно себе має, на Чорнее море спильна поглядає,
 Що на Чорному морю недобре ся-починає:

76. Въ монастирѣ Каневскомъ погребены были три вождя запорожскіе: *Подкова*, *Жахъ* и *Кушка*. Этотъ монастирь также уже не существуетъ.

Що на небѣ усь звѣзды потмарило,
 Половина мѣсяця въ хмары вступило;
 А изъ низу буйный вѣтеръ повѣвае,
 А по Чорному морю супротивна хвиля уставае,
 Судна козацкѣй на три частѣй розбивае:

Одну часть взяло,
 Въ землю Агарську занесло;
 Другу часть гóрло
 Дунайське пожѣрло;
 А третя — де ся - мае?
 Въ Чорному морѣ потонае! — ⁷⁷

При той частѣ бувъ Грицько Зборовскѣй, ⁷⁸
 Отаманъ козацкѣй запорозьскѣй.
 Той по судну похожае, словами промовляе:

77. Бандуристъ изобразилъ морскую бурю, что бы смирять ею буйство украинской молодежи, такъ часто уходившей *козаковать* на Запорожье, безъ благословенія родительскаго. — На козацкихъ ладьяхъ есть грѣшникъ, почитаемый за праведника. Черное море не выноситъ его на себѣ, и волнуется. Козакъ, приносять открытую покаянную исповѣдь, творить молитву — и морская буря утихаетъ.

78. Этотъ козацкѣй вождь, — какъ справедливо замѣтилъ г. Грабовскѣй (въ разборѣ моего втораго изданія *Украинскихъ Писень*, напечатанномъ во 2 части его сочиненія *Literatura i Krytyka*, Wilno, 1837) — есть тотъ *Самуиль Зборовскѣй*, который послѣ изгнанія своего изъ Польши (1574 г., за дуэль съ Тенчинскимъ), служилъ при Стефанѣ Баторіѣ, и въ козацкихъ отрядахъ при гетманѣ Свирговскомъ; а потомъ (между 1579 — 83 г. былъ самъ выбранъ въ гетманы Запорожцами, и ходилъ съ ними на Черное море. Въ 1584 г. онъ казненъ въ краковѣ, канцлеромъ Ив. Замойскимъ.

„Хто - съ мѣжъ нами, панове, великій грѣхъ на
собѣ мае,

Що-съ дуже злая хуртовина на насъ налягае.

Сповѣдайтесь, панове, милосердному Богу,

Чорному морю, и менѣ отаману кошовому!

Въ Чорнее море впадѣте,

Вѣйска козацького не губѣте!“

То козаки тее зачували,

Усѣ замовчали:

Бо въ грѣхахъ себе не знавали.

Тѣльки обоззався писарь вѣйсковый,

Козакъ лейстровый,⁷⁹

Пирятинскій Поповичъ Олексѣй:

„Добре вы, братця, ўчинѣте,

Мене самого возьмѣте,

Менѣ чорною китайкою очѣ завяжѣте,

До шѣй бѣлый камѣнь причепѣте,

Да й у Чорнее море зонхнѣте!

Нехай буду одинъ погибати,

Козацького вѣйска не збавляти!“

То козаки тее зачували,

До Олексѣя Поповича словами промовляли:

79. Козакъ *лейстровый* значить *реестровый* — (малороссійское нарѣчіе въ иноязычныхъ словахъ любилъ перемѣнять *р* на *л*: *лицарь*, *лейтарь*, *олондарь* — вм. рыцарь, рейтарь, арендарь); т. е. принадлежащій въ украинскимъ козачьимъ полкамъ, постояннымъ и опредѣленнымъ въ числѣ. Кромѣ того были еще *оготеконные* полки, составлявшіе *оготное* козацкое войско. Въ этомъ не было недостатка, по словамъ украинской лѣтописи: „речеть старшій слово; и абіе войска числомъ, аки трава будеть!“

„Ты-жъ святее письмо у руки берешъ, читаешъ,
Насъ простыхъ людей на все добре наставляешъ:
Якъ же наибольше одъ насъ на собѣ грѣхѡвъ ма-
ешъ?“

„Хоча святее письмо я читаю,
Васъ простыхъ людей на все добре наставляю;
А я все самъ недобре починаю.
Якъ я изъ города зъ Пирятина, панове, выѣзжавъ,
Опрощенья зъ пан-отцемъ и зъ панй-маткою не
бравъ;
И на своего старшого брата великій гнѣвъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдѡвъ хлѣба-й-соли безневинно
збавлявъ;
Дѣти малый, вдовы старый стременемъ у груди
штовхавъ;
Безпечно по улицямъ конемъ гулявъ;
Противъ церкви, дому Божого, проѣзжавъ —
Шапки зъ себе не зиймавъ.
За те, панове, великій грѣхъ маю,
Теперьъ погибаю!
Не есть се, панове, по Чорному морю хвиля ветавае;
А есть се—мене отцевська й материнська молитва
карае!

Колибъ мене сая
Хуртовина злая
Въ морѣ не ўтопила,
Одъ смерті молитва боронила;
То знавъ бы я отця й матѣрь шанувати, пова-
жати!

То знавъ бы я старшого брата за рѣдного отца
почитати;

И сестру рѣдненьку за неньку у себе мати!“

То якъ ставъ Поповичъ Олексѣй грѣхи свой
снѣвѣдати;

То стада злая хуртовина по Чорному морю сти-
хати;

Судна козацькѣ до-горы, якъ руками, пѣдѣймала;
До Тендрова острова прибывала.

То всѣ тогдѣ козаки дивомъ дивовали:

Що по якому Чорному морю, по быстрѣй хвилѣ
потопали;

А нѣ одного козака зѣ-межи вѣйська не ўтерали!

Отъ-же тогдѣ Олексѣй Поповичъ изъ судна выхо-
жае,

Бере святее писъмо въ руки, читае,

Усѣхъ добрыхъ людей на все добре навчае,
До козакѣвъ промовляє:

„От-тымъ-бы-то, пайове, треба людей поважати;
Пан-отця ѣ панѣ-матку добре шанувати!

Бо который чоловѣкъ тее урѣбляє,

Повѣкъ той счастья собѣ мае,

Смертельный мечъ того минае.

Отцева ѣ матчина молитва зо-дна моря вѣймае;

Одъ грѣхѣвъ смертельныхъ душу одкупляє;

На полѣ ѣ на морѣ на помѣчь помагае!“

12.

На побѣду Чигиринскую. ⁸⁰

Ой у нашѣй у славнѣй Украинѣ
 Бували коли-сь прешрашнѣй злыгоднѣй, бездоль-
 нѣй години;

Бували й моры,

И вѣйськовѣ чвары; ⁸¹

Нѣхто Украинцѣвъ не рятовавъ; ⁸²

Нѣхто за ихъ Боговѣ молитвѣ не посывавъ;

Тѣльки Свѣтый Богъ нашихъ не забувавъ:

На великѣй зусильѣ, на одповѣдѣ ⁸³ державъ!

Тѣльки Богъ Свѣтый знавъ,

Що вѣнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,

Якъ незгодины на Украинську землю посывавъ!

Отъ - же й пройшли, изыйшли злѣй незгодины:

Немае нѣкого, щобъ насъ подолѣли!

Тѣльки Богъ Свѣтый знавъ,

Що вѣнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ!

Не день, и не два Ляхи Украину плѣндровади, ⁸⁴

Ни на часиночку одпочинѣя не мали,

80 Видно по всему, что эта дума, проникнутая глубокою преданностью воле Божіей, сложена вслѣдъ за тою побѣдою, которую козацкѣй гетманъ Павелъ Ниливайко одержалъ надъ короннымъ гетманомъ Жолкевскимъ, при Чигиринѣ, 1596 года.

81. Чвара — свара, смута; гроза.

82. Рятовати — спасать, избавлять.

83. Одповѣде — отвѣтъ, отпоръ.

84. Плѣндровати — разорять.

Коней на-взавахъ ⁸⁵ день и нѣчь держали,
 До гетьмана Наливайка дорогу верстали.
 А гетьманъ хоробрый Наливайко—що вѣнь думаетъ,
 гадае?

Що вѣнь за долю товаришѣвъ свойхъ замышляетъ?
 Тѣльки Богъ Святый знаетъ,

Що ёму на помѣчь помагае!....

Изъ-за горы хмара выступае—выступае, вихожае,
 До Чигрина громомъ выгрѣмляетъ,
 На Украинську землю блискавкою блискае. ⁸⁶

То Поляки черезъ три рѣки три переходы мали,
 Да й бѣля третѣго переходу станомъ стали;

Пустили коней на попасанье,

Сами собѣ дали на три години одпочиванье.—

А що гетьманъ Наливайко думаетъ, гадае?

Що вѣнь на незгону Ляхѣвъ замышляетъ?

Тѣльки Богъ тее знаетъ, що ёму на помѣчь помагае!

То не хмары по небу громомъ святымъ выгрѣм-
 ляють, ⁸⁶

То не Святыхъ воны до Бога проважають;

То Ляхи у бубны ўдаряють,

У свистѣлки да у трубы выгравають,

Усе вѣйсько свое до-куны у громаду скликають,

85. *На-взаходы* — во весь поводъ, во весь опоръ. Этимъ очень мѣтко выражено то, какъ Жолкевскій гонился за Наливайкомъ.

86. Это двукратное живое изображеніе непріятельскаго нашествія — грозовою тучею, напоминаетъ подобную картину въ Пѣснѣ о полку Игоревѣ „Черныя тучи съ моря идуть.. а въ нихъ трепещуть синіи мѣлніи.“

Щобъ ишли усѣ до громады на послуханье,
 Слухати гетьмана Жовковского одповѣданье.
 Отъ-то й пришли усѣ, рядомъ стали,
 Усѣ рядомъ стали, да й замовчали,
 Гетьманське одповѣданье слухати зачали.
 А послухавши, коней сѣдлали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;⁸⁷
 Мосты мостили, греблѣи гатили, кѣлья забивали,
 Горзину да дряницю клали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали.
 А перейшовши, обгороды да шанціи робили,
 Увѣ окрѣпѣ гарматы становили;
 А попередъ гарматами три хресты вколотили.⁸⁸
 А що первый хрестъ, то Сомино вѣситъ,
 Сомино вѣситъ, барзо голосить.
 А що другій хрестъ, то Богунъ вѣситъ,
 Богунъ вѣситъ, шаблюкою допотить.
 А що третій хрестъ, то порожній стойтъ,
 Усѣхъ иншихъ козакѣвъ до себе пѣджидае,
 Козакѣвъ пѣджидае, козакѣвъ оглядае.
 Хто первый пѣдыйде, того гармата убѣе;

87. *Бѣлоу-рѣзкою* названа здѣсь р. Тясминь.

88. Извѣстно и по лѣтописямъ, что Жолкевскій передъ битвою выставилъ противъ Наливайка три креста, съ повѣшенными на нихъ козацкими старшинами, захваченными подъ Каневомъ. На одномъ повѣшенъ былъ *Богунъ*; на другомъ *Сомино* или *Сутига*; а третій крестъ — такъ живописно нарисованный въ думѣ — достался на долю *Войновича*. Въ отвѣтъ на эти три креста, Наливайко выставилъ трое знаменъ (см. примѣч. 73) съ надписью: „Миръ христїянству; а на зачинщика Богъ и его Крестъ!“

Хто другій добѣжить, того самопаль цапне,
 Хто третій пѣдлетить, той хреститься буде,
 Хреститься буде й молитися стане,
 Що хрестъ зъ осоки — то ёго надбанье!....⁸⁹

А козаки глядѣли, у вѣчій ѹбачали,
 Про-мѣжъ себе бурковали, раховали;
 Три корогви на забаченье Ляхамъ становили,
 На корогвахъ уговоръ - рядну писали:
 „Вѣрному православному христіянству миромъ
 миръ;

А Ляхамъ - ворогамъ пекельный пиръ!
 У кого хрестъ — на того й хрестъ!“

Отъ-се-жъ и пѣшли наши на чотырѣ поля,
 Що на чотырѣ поля, а на пята на подолье;
 Ляхѡвъ на всѣ стороны, по всѣмъ хрестамъ ко-
 лотили;

Ляхи опрощенья просили, да не допросились:
 Не такѡвськи козаки, щобъ опрощенья дали!
 Не такѡвськи й Ляхи, щобъ напасть забули!

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала;⁹⁰
 Що вона ковала, промѣжъ Святыхъ чувала;
 Що вона ковала, тому й бути - стати.
 Якъ стануть бѣсы правыхъ и неправыхъ еднати,

90. Какъ значительно здѣсь это предчувствіе бѣды, вскорѣ постигшей козаковъ, и той казни, которою пострадалъ Наливайко съ своими товарищами.

89. *Надбанье* — приобрѣтенье, стяжанье.

Души забѣрати, у пѣкло до - купы складати.
Одъ того й сѣго, одъ иншого чого,

Боже намъ поможе!

Про те вѣнъ и знае, що вѣнъ думаетъ, гадае,
Що Павловѣ Наливайковѣ да на помочъ помагае.

Не намъ про тее, за тее раховати:

Наше дѣло Боговѣ молиться,

Спасителю хреститься!

13.

Походъ на Поляковъ. ⁹¹

Ой пошли козаки на чотырѣ поля,
Що на чотырѣ поля, а на пята на подолье.

91. Эта прекрасная дума (записанная г. Срезневскимъ отъ слѣпца - бандуриста, въ Екатеринославской губерніи) представляетъ живую, вѣрную картину того безотраднaго положенія, въ какомъ находилась Украина со смерти гетмана Конашевича - Сагайдачнаго — до гетманства Богдана Хмельницкаго (1622—48). Козацкія ополченія на Поляковъ возникали одно за другимъ, и кончались почти всегда гибельно для вождей, и для всего козачества. — Въ 1637 году, послѣ казни гетмана *Павлюка* или Павла Михновича Бута, — опять идутъ три козацкіе отряда.

Однимъ отрядомъ начальствуетъ *Сомко - Мушкетъ* — главное лице въ думѣ. Кто этотъ *панъ хоружій*, не названный въ лѣтописяхъ? Полагаю, что это тотъ *Самко*, котораго дочь *Анна* была первою женою Хмельницкаго, бывшаго въ это время войсковымъ писаремъ. — Сомко представленъ идущимъ черезъ поле недавней битвы, еще усыпанное козацкими трупами. Его обуреваютъ смутныя мысли, что козачество и слава козацкая погибнуть.

Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко-Мушкетъ;
А за паномъ хоружимъ мало - мало не три тысячй,
Усе хробрый товаришй Запорозьцй:

На коникахъ выграваютъ, шабельками блискають,
у бубны ўдаряють,
Боговй молитвы посылають, хресты покладають.

А Самко Мушкетъ—то вѣнь на конѣ да й не вы-
граваетъ,

Коня удержуетъ, до себе притягаетъ, думаетъ, гадаетъ.
Да щобъ сто чортѣвъ ўбили ту ёго думу, що га-
данье! —

Самко Мушкетъ думаетъ, гадаетъ,
Словами промовляетъ.

„А що, якъ наше козачество мовъ у пеклѣ Ляхи
спалить, ⁹²

Да зъ нашихъ козацкихъ костей пиръ собѣ на
похмѣлье зварять!....

Другой вождь *Степанъ Кукуруза* — по моему предполо-
женію, есть *Степанъ Острианица*. Имъ овладѣло грустное пред-
чувствіе приближающейся смерти (1638 года онъ колесованъ въ
Варшавѣ).

Впереди третьяго отряда *Карпъ Полтора - Кожуха*, — быв-
шій гетманомъ послѣ Острианицы, съ 1639 года. Этотъ щирый
Запорожець, послѣ неудавшихся попытокъ противъ Поляковъ, хо-
дилъ на Крымскія степи, гдѣ и кончилъ свою жизнь, похоронен-
ный, за неимѣніемъ гроба, въ горѣлочной бочкѣ. Здѣсь въ думѣ
онъ гарцуетъ на конѣ, преодолая свою печаль - тоску, кото-
рую хочетъ онъ затушить виномъ и заглушить звуками пѣни.

92. Здѣсь воспоминаніе о казни Наливайка, сожженного на
Варшавской площади — въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ.

А що, якъ наши головы по степу - полю поляжуть,
 Да ще й рѣдною кровью умыются,
 Поперерасколотыми шаблями покрываются!....
 Пропаде, мовъ порошина зъ дула, тая козацкая
 слава,

Що по всѣму свѣту дыбомъ стала;
 Що по всѣму свѣту степомъ розляглась, простяглась;
 Да по всѣму свѣту луговымъ гомономъ роздалась;⁹³
 Туреччинѣ да Татарчинѣ добрымъ лихомъ зна-
 ти далась;
 Да й Ляхамъ - врагамъ на списъ оддалась! "...

Закряче воронъ, степомъ летючи;
 Заплаче зозуля, лугомъ скачучи;
 Закуркуютъ кречеты сизы;
 Загадаются орлики хижі;
 Да все, усе по свойхъ братахъ,
 По буйныхъ товаришахъ козакахъ!⁹⁴

Чи то їхъ згарбомъ занесло?
 Чи то їхъ у пеклѣ потонуло?
 Що невидно чубатыхъ, не то по степахъ, не то й
 по лугахъ,
 Не то й по татарськихъ земляхъ,

93. *Луговой гомонъ*—шумъ лѣсовъ.— *Лугомъ* называется собственно лугъ, покрытый лѣсомъ; оттого и названіе — *темный лугъ*, и частыя слова пѣсни: *не шуми, луже!* Запорожцы любили свои приднѣпровскіе луга, и говорили: „Слѣдь мати; а великій лугъ батько!“

94. Здѣсь вполне видна народно-поэтическая вѣра въ сочувствіе природы къ человеку, отзывное на его къ ней сочувствіе.

Не то й по турецькихъ горахъ,
 Не то й по чорныхъ моряхъ,
 Не то й по ляцкихъ поляхъ?...
 Закряче воронъ, загрое, зашумое,
 Да й полетить у чужую землю
 Ань-ба! кôстки лежать, шаблюки сторчать;
 Кôстки хрустятъ, шаблюки поперерасколоты бряж-
 чать!.....
 А чорна, сива еорока оскалилаєь да й басує!
 А що головы козацькї — то мовъ Швець-Семень
 шкуру загубивъ! ⁹⁵
 А що чубы — то мовъ чортяка джгуты поробивъ;
 У кровї усь да й позасыхали;
 От - то й славы набрали! ⁹⁶

95. *Семень - Швець* на Украинѣ издавна вошелъ въ пословицу; на прим. онъ смѣлъ его — мовъ *Швець - Семень шкуру!* Не есть ли это передѣланное имя *Усмо-швець* — имя древняго Переяславскаго богатыря-кожевника, который такъ потѣшилъ в. кн. Владимира единоборствомъ съ Печенѣжиномъ?.... Впрочемъ, есть повѣсть (позднѣйшаго изобрѣтенія) о нѣкоемъ *Семень*, какъ основателѣ Запорожскаго козачества, будто бы ходившаго тогда въ *козылѣ* шкурахъ, и отъ того — де названнаго *козарами* или *козаками*! (См. въ Ист. Госуд. Рос. Т V прим. 416.)

96. Извѣстно, что Запорожцы, на своихъ подбритыхъ головахъ, ходили длинныя *оселедцы* или *зубы* (такъ было и на головѣ в. кн. Святослава Игоревича).

Козацкїй вождь видитъ эти чубы, на полѣ битвы, засохшіе въ крови и говоритъ: *словно гортѣ жгуты повили: то-то и славы набрались!*.... Только отчаянїе могло высказываться такою горькою пренїей!

Ой пошли козаки на чотырѣ шляхи,
 Що на чотырѣ шляхи, а на пяте на подолье.
 Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко-Мушкетъ;
 А другимъ полемъ — Стецько Кукуруза:
 Сизою голубкою голову свою буйную до-долу за-
 кинувъ.

А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячѣ,
 Усе хоробрый товаришъ Запорозьцѣ:
 На коникахъ выгравають, шабельками блискають,
 у бубны ўдаряють,
 Богови молитвы посылають, хресты покладають;
 До Стецька Кукурузы ось-такъ промовляють.
 „Чи ты живъ, чи здоровъ, пане Степане?
 Чи ты ўмеръ, що твою головоньку дубомъ до-
 долу прибило?

Рахованье — не въ поминанье!
 Коли-жъ-небудь треба да по насъ поминки робити!
 Що по насъ, пане, старѣ бабы стануть у полѣ
 свистѣти;
 А по тобѣ, пане, молодой дѣвчата зачнуть го-
 лосити!⁹⁷

— Да те все однако,
 Що Якимъ, що Яковъ!⁹⁷
 Ось, якъ пристанемо до пятого яра,
 То хочъ и середъ лѣтчика зашумить, загуде не-дай-
 свѣта чвара!

97. Эта пословица понятна, и ведется понынь; но нижеслѣдую-
 щая пословица (що жидъ, а що дѣдъ) не совсѣмъ ясна.

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала, ⁹⁸
 Степомъ летючи, лугомъ скачучи.
 Що вона ковала, то правду казала;
 Налетять орды хижі, стануть жалковати;
 А вороны налетять, да й стануть здобичі жда-
 ти й піджидати.
 То якъ налетять от-тѣ зозулї, ⁹⁹
 Що насъ не забули,....
 Що жидь, а що дѣдъ, а що й запорозькій ко-
 закь!

98. Здѣсь очень кетати повторился стихъ изъ предыдущей думы (что бываетъ нерѣдко въ поэзїи народной). Это дало поводъ г. Грабовскому утверждать, будто обѣ думы принадлежать одному перу, и т. д. Но эти думы не письменнаго, а изустнаго сложенія, какъ и всѣ прочія. Онѣ не могли принадлежать одному и тому же пѣвцу. Въ думѣ о Наливайкѣ слышенъ внятно ещѣ койкій, важный тонъ пѣвца-старика; а въ этой думѣ, сложенной черезъ тридцать лѣтъ, вы видите порывы еще молодой пѣснотворческой силы. Избытокъ лиризма отличается ее отъ большей части думъ. Этому причина, кромѣ личности пѣвца, и самое время. На мой взглядъ, можно бы скорѣе сказать, что пѣвецъ этой думы, спустя 11 лѣтъ, сложилъ думу на побѣду Корсунскую.

99. „Запевне Поляци“ — замѣчаетъ Грабовскій, при этомъ стихѣ. Напротивъ: это родныя Украинки; къ Полякамъ относится предыдущій стихъ; а *орды хижи* — то козаки, какъ и выше сего, гдѣ и вороны, и сорока представлены въ томъ же непрїязненномъ значенїи, въ какомъ принимается въ Пѣснѣ о полку Игоревѣ весь родъ вороной. Изъ него, только черная *галка* — въ козацко-украинской поэзїи получила значеніе доброй птицы, хотя является всегда въ *пегали* и *разлукѣ*.

Ой пошли козаки на чотыри шляхи,
 Що на чотыри шляхи, а на пята на подолье.
 Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко Мушкетъ;
 А другимъ полемъ, то пошовъ Стецько Кукуруза;
 А третимъ полемъ, то пошовъ Карпо Повтора-
 Кожуха,

На конику wygrae, пѣсню спѣває.
 А за нимъ идуть мало - мало не три тысячй,
 Усе хоробрый товаришй Запорозьцй:
 На коникахъ wygrae, шабельками блискають,
 у бубны ўдаряють,
 Боговы молитвы посылають, хресты покладають.
 А Карпо панъ гетьманъ на конику wygrae, пѣ-
 сню спѣває. ¹⁰⁰

„Пресучая та журба мене изсушила,
 Вона мене молодого изъ ногъ извалила.

А я той журбѣ да й не подаюся.
 Ой пойдю я до шинкарки, горѣлки напьюся!...

Ой хто хоче меду пити, ходѣмъ до жидѣвки;
 А ў жидѣвки чорны брѣвки, високи подкѣвки.

100. Такъ нарѣсывалъ украинскій пѣвецъ картину трехъ вождей козацкихъ. „Два образа мрачные, третій ясный“ — говоритъ объ нихъ Грабовскій. Но и въ третьемъ вождѣ нѣтъ ясности. Запорожецъ, котораго тоска-печаль съ ногъ валить, къ которому не голубятся жена его и дѣти... ему въ пѣсни и винѣ — только забытѣе, а не свѣтлое веселье!

Й юпочка рябенька, й сама молоденька;
Да яка-жъ хорошая, яка чепурненька!

Шинкарочко моя, насыпъ меду й вина,
Да щобъ моя головонька веселенька була!“

— Коли ты жонатый, то иди до - дому;
А якъ не жонатый, то ночуй зо мною! —

„Ой е ў мене жѡнка и дѣточокъ двое,
Да не пригортаються, серденько мое!“

14.

О Хмельницкомъ и Барабашъ ¹⁰¹

Изъ день-години,
Якъ стала тревога на Украйнѣ;
То нѣхто не може обѡбрати
За вѣру христїанську одностайне стати;
Тѡльки обобрались Барабашъ да Хмельницькій,
Да Клими Бѣлоцерковскій; ¹⁰²

101. Вотъ первое народное пѣснопѣіе, въ которомъ появляется Хмельницкій. Чигиринскій полковникъ Иванъ Барабашъ, преданный Полякамъ, скрывалъ у себя грамоту, данную козакамъ отъ короля Владислава IV. Что бы получить эту грамоту, Хмельницкій долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ пригласилъ Барабаша къ себѣ кумомъ, на 6 Декабря 1647 года; а на разсвѣтъ 11-го Декабря скакалъ уже съ грамотою на Запорожье, — и вскорѣ явился побѣдоноснымъ гетманомъ.

102. Здѣсь дума называется, вѣроятно, Бѣлоцерковского полковника *Гирю*.

До короля выступали,
 Листѡвъ, наверсалѡвъ прохали.
 То король наверсалы ¹⁰³ писавъ,
 Самому Барабашу до рукъ подававъ;
 А Барабашъ листы якъ узявъ,
 Три годы козакамъ знати не дававъ.
 То Хмельницкій тее догадавъ,
 Кумомъ ёго до себе прохавъ, добре угощавъ.
 А якъ ставъ Барабашъ на подпитку гуляти,
 Ставъ ёму Хмельницкій казати:
 „Годъ тобѣ, пане куме, листы королевскій дер-
 жати,
 Дай менѣ хоть прочитати!“
 „На що тобѣ, пане куме, ихъ знати?
 Мы дачи не даемъ,
 У войсько польске не йдемъ;
 Не луччебъ намъ зъ Ляхами,
 Мосцѣйвыми панами,
 Мирно пробувати;
 А нѣжъ пойти лугѡвъ потирати,
 Своймъ тѣломъ комарѡвъ годовати?“ ¹⁰⁴
 То Хмельницкій тее зачувавъ,
 Ще луччихъ напйткѡвъ подававъ.

103. *Наверсаль*, т. е. универсаль (такъ назывались грамоты, преимущественно гетманскія).

104. *Годовати* — кормить. *Запаньгаий* Барабашъ не хотѣлъ уже пускаться на суровую жизнь козака, въ темныхъ лугахъ дѣтпровскихъ. Но ему черезъ 5 мѣсяцовъ довелось тамъ принять смерть свою.

То Барабашъ якъ упився,
На лѣжку спати звалився.
Тогдѣ Хмельницькій ключі одбѣравъ,
Чуру свого до города Черкаса посилавъ;
Велѣвъ ключі панѣ Барабашовѣй подати,
Листѣвъ королевськихъ пытати.
То чура до ней прибуває,
Словами промовляє:
„Пані Барабашова! твої панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобѣ велѣвъ листы королевскі подати!“
„Де-сь моему панові лихомъ занудилось,
Що съ Хмельницькимъ гуляти схотѣлось!
Пійди, въ глухѣмъ концѣ пѣдъ ворѣтьми
Листы королевскі въ шкатулѣ вѣзьми.“
То чура скоро листы доставъ,
День и нѣчь до Чигрина посиѣшавъ;
Тогдѣ Барабашъ рано починае,
У карманы поглядае, ажъ ключѣвъ немає.
Вѣнъ старосту Кричевського пробужае,¹⁰⁵
Двома кѣньми тихо зъ двора выѣзжае;
Думае, гадае,
Якъ пана Хмельницького до рукъ прибрати,
Ляхамъ отдати.

105. Вѣроятно, это былъ Переяславскій полковникъ *Кризевскій*,
преданный Хмельницкому.

15.

На побѣду Курсунскую. ¹⁰⁶

Ой обозветься панъ Хмельницькій
Отаманъ батько Чигиринський:

„Гей друзі - молодці,
Братья козаки Запорозці!

Добре знайте, барзо гадайте,
Изъ Ляхами пиво варити затирайте! ¹⁰⁷

Лядський солодъ, козацька вода;
Лядський дрова, козацькій труда.“

Ой за тее пиво

Зробили козаки зъ Ляхами превеликое диво;

Ой за той пивный молотъ

Зробили козаки зъ Ляхами превеликій колотъ;

106. Эта дума относится къ двумъ первымъ побѣдамъ Хмельницкаго надъ Поляками — къ *Желтоводской*, одержанной 7 Мая, и знаменитой *Курсунской*, одержанной 16 Мая, тогоже 1648 года. Дума эта списана для меня г. Копытькомъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Въмѣсто ея собственнаго начала, позднѣйшіе бандуристы придали ей свою любимую *Черноморскую бурю* въ сокращенномъ видѣ (см. думу 11). Отъ того имя *Грицька Зборовскаго* перешло и въ эту думу. Отбросивъ это не принадлежащее къ ней начало, я поставилъ въ ней; вмѣсто Зборовскаго, имя *Хмельницкаго*. — Понятно, почему все народныя пѣснопѣнія на первый побѣды Хмельницкаго надъ Поляками, дышутъ такою неистовою, пасьмшливою радостью!

107. *Варить пиво* — выраженіе весьма употребительное въ то время (см. въ *Памят. изд. Врем. Комис. Т. 1. отд. III. стат. 3*).

Ой за той пивный квасъ
Не одного Ляха козакъ, якъ бы скурвого сына, за
чуба потрясь.

Ой не вербы-жъ то шумѣли, и ни галки закричали,
Тожъ-то козаки изъ Ляхами пиво варить зачинали.

Ой обозветься перва пані Ляшка: „нема мого
пана Гриця!

Де-сь поѣхавъ дивиться,
Якъ буде козацьке пиво вариться!“

Ой обозветься друга пані Ляшка: „нема мого
пана Яна!

Де-сь извязали козаки якъ - бы барана!“

Ой обозветься третя пані Ляшка: „нема мого
пана Якуба!

Ой Якубе, Якубе!

Де-сь тебе зъ Жовтой воды, зъ быстрой рѣчки
Прута, и до вѣку не буде!“

Въ этой думѣ видимъ большое распространеніе о кровавомъ
писѣ. Но при этомъ надо имѣть въ виду имя вождя, котора-
го величали тогда *Старымъ Хмелемъ*. Это имя внушило народ-
ный запѣвъ:

„Чи не той-то хмѣль, що коло тычинъ вѣється?

Гей, то-жъ той Хмельницькій, що зъ Ляхами бється!“

И другая современная пѣсня (сложенія грамотнаго) на ту-же
Желтоводскую побѣду, начинается такъ:

„Ой высынавъ хмѣль изъ мѣха,

Да паробивъ Ляхамъ лиха!“

Ой не чорна хмара надъ Польщою встала :
Тожъ - то не одна Ляшка удовою стала !

Бо на праву середу
Заняли козаки Ляхѡвъ такъ якъ - бы череду.

Ой , которыхъ гнали до Прута ,
Була дороженька барзо крута ;

Которыхъ до Бузька ,
Була дороженька барзо грузька ;

А которыхъ до Хотины ,
То бѣжучи попотѣли ;

То кидали козаки Ляхѡвъ у воду
Къ чортовѡй матерѣ на прохолоду....

„ Ой вей-миръ ! обозветься первый жидъ Ђдько. ¹⁰⁸
Уже-жъ-пакъ изъ-за горы козацькѣй корогвы видко !“

Побѣгъ до школы швыдко :

„ Ой школо-жъ моя , школо !

Чи тебе продати ,

Чи въ карманъ забрати ,

А чи тому пану Хмельницькому

Отаману батьку Чигиринському ,

На срачъ подаровати ? “

108. Извѣстно, какими оскорбительными и разорительными для Южной Руси правами пользовались жида въ прежнія времена. Украинцы за это враждовали на польскихъ пановъ ; а жидовъ презирали, потѣшаясь ихъ трусостью. Вотъ , и въ этой думѣ — каррикатурное изображеніе Евреевъ, въ часъ наступившей опасности.

Ой обозветься другій жидъ Абрамъ.

„Ой я маю вельми дорогій крамъ:

Шпильки и голки,

Кремѣнья и люльки.

Ой я свій крамъ у коробочку склавъ,

Съ козаками пятами наживавъ!“

Ой обозветься третій жидъ Шлѣма.

„Ой я-жъ-накъ не буду на шабасъ дома!“

Гей, обозветься панъ Хмельницькій

Отаманъ батько Чигиринській:

„Гей друзі-молодці,

Братья козаки Запорозці!

Добре знайте, барзо гадайте,

Одъ села Ситникѡвъ до города Корсуня шляхъ
канавою перекопайте, ¹⁰⁹

109. Здѣсь указано именно на то, что всего больше послужило къ успѣху Корсунскаго дѣла. Польскій обозъ съ двумя гетманами, стоявшій въ окопѣ между Корсунемъ и Стеблѣвымъ, собирався двинуться къ Богуславу. Дорога туда шла на село Ситники, а потомъ на глубокую лѣсистую долину, называвшуюся *Крутою балкою*. Сюда Хмельницкій подоспѣлъ къ ночи, съ многочисленнымъ войскомъ, приказалъ выкопать длинный и глубокій ровъ, а къ утру скрыться въ ближнихъ заросляхъ. Нежданная за-
падня привела въ разстройство польскій обозъ, безопасно спускавшійся въ балку; и онъ весь достался въ руки Хмельницкаго. Роковая долина названа впоследствии *рызанымъ яромъ*.

Потоцкаго поймайте,
 Менѣ въ руки подайте!¹¹⁰
 Гей Потоцкій, Потоцкій,
 Маешъ собѣ розумъ жѣноцкій!
 Не годишся-жъ ты воѣвати!
 Лучче-жъ тебе до пана Хмельницкаго оддати
 Сырой кобылины жовати,
 Або житнѣй соломахи бузиновымъ молокомъ за-
 пивати!

16.

*О походъ Хмельницкаго въ Молдавію.*¹¹¹

Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣвае:
 Вѣйсько козацке у походъ выступае.

110. Коронный гетманъ Николай Потоцкій и напольный гетманъ Калиновскій, взятые въ плѣнъ, достались на долю крымскаго хана; бывшаго союзникомъ Хмельницкому. — Современную эпиграмму на этотъ плѣнъ см. въ Исторіи Малороссіи Маркевича. Т. V. стр. 38.

111. Объ этомъ походѣ, бывшемъ 1650 года, см. въ такъ-называемой *Лѣтописи Самовидца*. Тогда побѣдоносный Хмельницкій былъ на верху своей козацкой славы: и это отозвалось какъ въ торжественномъ запѣвѣ думы, такъ и въ ея заключительныхъ стихахъ. — (Въ этотъ походъ молдавскій господарь Василій Лупула согласился выдать свою дочь Ирину за сына Хмельницкаго Тимофѣя.)

Тільки Богъ святой знае,
 Що Хмельницькій думає, гадає!
 Объ томъ не знали нї сотники,
 Ни отаманы курєнный, нї полковники:
 Тільки Богъ святой знае,
 Що Хмельницькій думає, гадає!...

Якъ до Днїстра прибували,
 Черезъ три перевози переправу мали;
 Самъ Хмельницькій напередъ всѣхъ рушавъ,
 До Хотїй прибувавъ, у старшого копитана на квати-
 рѣ ставъ;
 До Василя Молдавського листы посылавъ,
 Словами промовлявъ:
 „Що ты за мною будешъ гадати?
 Чи будешъ битися,
 Чи будешъ мириться,
 Чи на примирєе будешъ приймати,
 Чи славной Волоцины половину оддавати?“
 То Василій Молдавскій тее зачувавъ,
 До Потоцького листы посылавъ,
 Словами промовлявъ:
 „Гетьмане Потоцькій,
 Що ў тебе розумъ жѣноцькій!
 Ты за дорогими напѣтками, банкетами уганя-
 сшъ: 112

112. Престарѣлый гетманъ Потоцкій преданъ былъ пирамъ. Машковичъ въ своемъ Дневникѣ пишетъ, что Потоцкій и въ день Кореунскаго пораженія ѣхалъ въ каретѣ пьяный.

Чомъ ты Хмельницького не еднаєшь?
 Уже почавъ вѣнъ землю конськими копытами ора-
 ти;

Кровью молдавською поливати!—¹¹³
 Тогдѣ Ляхи изъ города изъ Сочавы утѣкали,
 Василю Молдавському знати давали.
 То Василій Молдавскій до Ясесь прибуває,
 Словами промовляє:
 „Ой вы, Яссы мой, Яссы,
 Були есте барзо красны!
 Да ўже не будете такі,
 Якъ прійдуть козаки!“

То панъ Хмельницькій добре учинивъ:
 Польщу засмутивъ;
 Волощину побѣдивъ;
 Гетьманщину звеселивъ!

Въ той часъ була честь, слава,
 Вѣйськовая справа!
 Сама себе на смѣхъ не давала,
 Непріятеля пѣдъ ноги топтала!

113. Уподобленіе битвы различнымъ работамъ земледѣльческимъ принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ народной Южнорусской поэзіи. Въ Пѣсни о полку Игоревѣ встрѣчаемъ нѣсколько картинъ, основанныхъ на этомъ уподобленіи, которое находится въ тѣсной связи съ давнею любовью Южной Руси къ земледѣлію.